

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕРНАШЕВКА I

Наталья Бурдо

Ключевые слова: культурный слой, строительный горизонт, стратиграфия, Триполье, Бернашевка

История исследования

Наиболее раннее из известных в Украине поселение Триполья А открыто в 1969 г. во время работы Среднеднестровской экспедиции Института археологии АН УРСР под руководством С.Н. Бибикова на юго-западной окраине с. Бернашивка Могилев-Подольского района Винницкой области (рис. 1/1). В 1970 г. сотрудники этой экспедиции провели разведочные раскопки, полученный материал свидетельствовал о древности Бернашевки I, синхронной поселениям Флорешть I в Республике Молдова и Извоар I 1 в Румынии (Євдокимов, Збеневич 1973, 61-64). Стационарные полевые исследования на памятнике были проведены в 1972-75 гг. В.Г. Збеневичем. Площадь раскопок составила 1000 м² (Збеневич 1980, 14). В.Г. Збеневич полагал, что исследовал все сохранившиеся на поселении объекты – остатки 7 глинобитных жилищ. Как остатки одной сильно разрушенной постройки была интерпретирована зафиксированная геомагнитной съемкой аномалия, раскопки которой не производились. Культурный слой памятника уже на момент раскопок в 70-х годах был сильно поврежден в результате как природных процессов – интенсивного размыва вершины холма и переоткладывания артефактов на его склонах, так и распашки места поселения (Збеневич 1980, 9-10). Результаты раскопок в Бернашевке получили монографическое освещение (Збеневич 1980), однако ключевым моментом в изучении материалов Бернашевки всегда была проблема происхождения трипольской культуры, а анализу данных о культурном слое памятника и раскопанных объектов не уделялось достаточно внимания.

В 2009 г. (Черновол и др. 2010) и 2013-2015 гг. (Черновол 2016) раскопки Бернашевки про-

водил отряд Днестровской комплексной экспедиции под руководством Д.К. Черновола. К сожалению, об этих раскопках нет исчерпывающих публикаций. Изданы статьи, которые содержат только общую информацию о раскопках, отрывочные сведения об исследованных объектах, а также результаты анализа отдельных категорий находок из некоторых объектов – кремневого инвентаря и палеоботанических материалов (Слесарев и др. 2014; Шидловский, Слесарев 2015; Пашкевич,

1

2

Рис. 1. Бернашевка I. Раскоп Д.К. Черновола на Google map.

Черновол 2015, 99-103). В результате работ Днестровской комплексной экспедиции было установлено, что в 70-е годы была раскопана только часть памятника. В 2013-2015 гг. были изучены остатки 10 сожженных глинобитных построек («площадки» №№ 8-17), две ямы, а также исследован культурный слой между домами (Черновол 2016).

Д.К. Черновол (Черновол 2016, рис. 1) предложил план совмещения «площадок» из раскопов 70-х годов и своих раскопов с гипотетическими контурами остатков построек – «площадок» (рис. 2/3). Однако, при попытке совмещения опубликованных планов поселения из раскопок В.Г. Збеновича (рис. 2/1) и Д.К. Черновола (рис. 2/3) видно лишь относительное совпадение раскопов №№ 1, 2, 3, 6, расположенных достаточно компактной группой в северо-восточной части поселения, зато бросается в глаза значительное несовпадение мест расположения объектов («площадок») раскопов №№ 5 и 4 (рис. 2/4) в южной части. Кроме того, «площадка» № 12, раскопанная Д.К. Черноволем, расположена на месте раскопа № 5 В.Г. Збеновича. Вероятно, частичное несоответствие планов раскопов В.Г. Збеновича и Д.К. Черновола объясняется техническими моментами. Обращает внимание то, что только на краю «большого аномального пятна», выявленного геомагнитной съемкой на западном склоне холма, который занимает поселение, и интерпретированного В.Г. Збеновичем как «полностью разрушенное жилище № 7» (Збенович 1980, 12), раскопками Д.К. Черновола выявлены остатки глинобитной постройки, «площадки № 8». Большая часть аномалии, которая по размерам соответствует площади приблизительно трех построек,

так и не была исследована. Таким образом, можно констатировать, что в Бернашевке, как полагает и Д.К. Черновол (Черновол 2016, 20), исследованы еще далеко не все объекты. Подтверждено наличие на поселении не менее двух стратиграфических горизонтов, материал которых типологически не различим, что позволяет оба горизонта относить к одной подфазе Прекукутень II 1-Триполье А.

Установлено, что в дополнение к разрушениям культурного слоя, выявленным на 1970 г., поселение еще и частично разрушено гидрологическими сооружениями.

Суммарная площадь раскопов Среднеднестровской и Днестровской комплексной экспедиций составила к настоящему времени 3 000 м². Исследования Д.К. Черновола позволяют утверждать, что общая площадь поселения Бернашевка I составляла не менее 3 га. Таким образом, новые раскопки в Бернашевке I, проведенные Днестровской комплексной экспедицией, изменили прежние представления о площади и планировке поселения. Однако это скорее количественные, чем качественные изменения, поскольку Д.К. Черновол существенно не изменил интерпретацию культурного слоя и объектов, найденных на памятнике.

В итоге в результате раскопок В.Г. Збеновича и Д.К. Черновола в Бернашевке исследованы остатки 17 глинобитных сожженных построек, культурный слой между ними и четыре углубления (ямы).

Абсолютные даты для Бернашевки получены в разное время, в трех разных лабораториях и по разным образцам – кости, керамике, углю (Бурдо 2001-2002, 439; Бурдо, Ковалюх 1998, 61; Тимофеев и др. 2004, 114; Rassamakin 2012, 37).

Абсолютные даты для поселения Бернашевка

Образец	Индекс	BP	cal. BC	Публикация
Кость	Ki-6670	6440±60	5432-5324	Бурдо 2001-2002, 439
Кость	Ki-6681	6510±55	5444-5345	Бурдо 2001-2002, 439
Кость	Ki-16544	5450±70	4370-4230	Rassamakin 2012, 37
Кость	Ki-16545	5610±90	4530-4350	Rassamakin 2012, 37
Керамика	Ki-11472	6445±90	5365±76	
Керамика	Ki-11473	6520±90	5425±86	
Уголь	Ле-3594	5110±60	3970-3808	Тимофеев и др. 2004, 114
Уголь	Ле-3799	6880±100	5820-5610	Тимофеев и др. 2004, 114
Уголь	OxA 22516	5772±30	4702-4526	Rassamakin 2012, 37

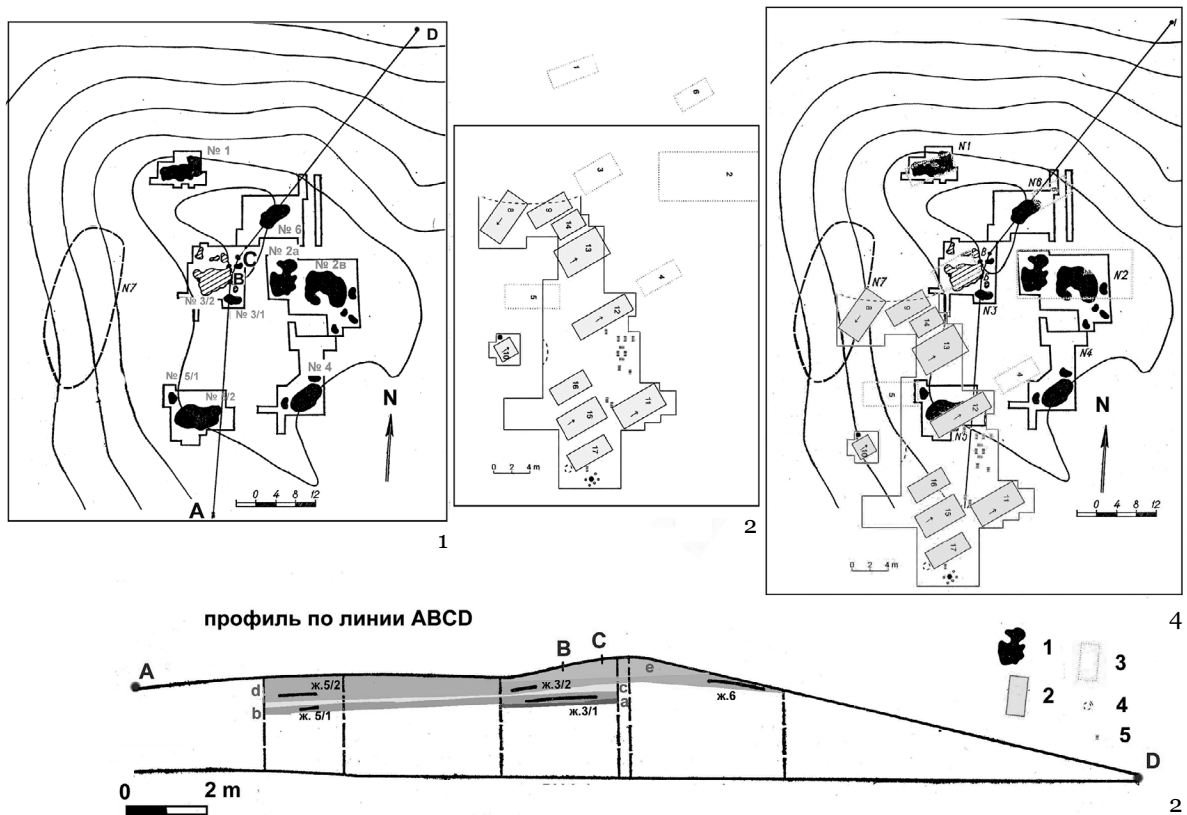

Рис. 2. Бернашевка I. 1 - План раскопок 1972-1973 гг., 2 - профиль холма с поселением (по Збеневич 1980, 13, рис. 3); 3 - план раскопок 2009, 2013-2015 гг. (по Черновол 2016, 20, 1); 4 - совмещенный план раскопок В.Г. Збеневича и Д.К. Черновола. Условные обозначения: 1 - остатки жилищ на плане В.Г. Збеневича; 2 - реконструированные контуры площадок, раскопанных Д.К. Черноволом; 3 - предполагаемые контуры площадок, исследованных В.Г. Збеневичем; 4 - ямы; 5 - скопления камней.

Противоречивость приведенных выше абсолютных датировок требует отдельного анализа и не рассматривается в данной работе. Даты Киевской лаборатории, полученные в 90-е годы XX в., выполненные по образцам из кости и керамики, позволяют датировать поселение Бернашевка I второй половиной V тысячелетия до н.э. Эти даты входят в большой пакет радиоуглеродных дат для памятников неолита и раннего энеолита Украины (Бурдо 2001-2002). В целом эти даты, по нашему мнению, лучше согласуются с периодизацией Триполья А-Прекукуть.

Анализ данных полевых исследований

До настоящего времени Бернашевка I остается наиболее полно раскопанным и опубликованным памятником периода Триполье А - Прекукуть II для всего культурного региона. Однако очевидно, что за прошедшие со времени исследований В.Г. Збеневича десяти-

летия были усовершенствованы методы полевых исследований и геомагнитной съемки, а также изменились подходы к интерпретации различных поселенческих объектов (Зинковский 2013, 39-46; Бурдо 2003а). Это предоставляет возможность вернуться к анализу данных, полученных в результате раскопок в Бернашевке, и предложить новую интерпретацию их результатов. Анализ информации о полевых исследованиях В.Г. Збеневича позволяет внести коррективы в интерпретацию раскопанных объектов и стратиграфию поселения.

Для анализа материалов раскопок В.Г. Збеневича большое значение имеет выяснение методики полевых исследований. Необходимо подчеркнуть, что раскопкам тогда предшествовала геомагнитная съемка (кроме остатков жилища № 1, раскопанного в 1972 г.). Съемка была проведена в 1973 г. Г.Ф. Загни-

ем при помощи магнитометра М-27. Геомагнитная съемка выполнялась по сетке квадратов 5×5 на площади 10 000 м², включая весь холм-останец и его основание. На холме было выявлено 7 участков с выраженной аномалией. По данным В.Г. Збеновича, нанесенные на план участки с аномалией представляли собой 6 овальных пятен разных размеров, расположенных по кругу. Еще одно пятно находилось в центре круга. Выявленные участки с аномалиями представляли собой скопления обожженной глиняной обмазки и культурных остатков и были интерпретированы как остатки глинобитных жилищ. На основании данных магнитной съемки В.Г. Збенович полагал, что площадь поселения составляла 1,1 га (100×110 м²). В.Г. Збенович сообщает, что планировка поселения Бернашевка в виде круга из шести жилищ и одного жилища в центре «просматривается весьма четко» на «аэрофотоснимке местности, дешифрованным К.В. Шишкиным» (Збенович 1980, 11-12). Поскольку «условия раскопок не позволяли вскрыть всю площадь поселения», В.Г. Збенович «закладывал раскопы на месте аномальных пятен». Причем исследователь отмечает, что во время раскопок выяснилось, что в ряде случаев залегание обмазки не соответствовало контурам аномалий, иногда выходя за их пределы. По мнению В.Г. Збеновича, это явление вызвано «значительным рассеиванием обломков обожженной глины, переложенных и растащенных плугом» (Збенович 1980, 12). Необходимо отметить, что план геомагнитной съемки Бернашевки так и не был опубликован, а детальное сопоставление выявленных аномалий и реально раскопанных объектов не было произведено. Следует отметить, что обычно магнитная съемка трипольских поселений в те годы проводилась по сетке 4×4 м, а позднее – даже 3×3 м. И даже при такой сетке могли быть пропущены (как показали дальнейшие исследования) отдельные объекты и неверно определены контуры и/или количество обнаруженных.

В публикации В.Г. Збеновича нет никаких данных о характере культурного слоя за пределами раскопов, заложенных на месте аномалий. Д.К. Черновол исследовал площадь поселения в 2000 м² полностью и установил, что на разных участках насыщенность куль-

турного слоя между постройками различна. В центральной части выявлена наименьшая интенсивность заполнения культурного слоя. Раскопки Д.К. Черновол вполне убедительно показали ошибочность суждения о планировке поселения Бернашевка (Черновол 2016, 21), опирающегося, фактически, на не уточненные и не проверенные раскопками результаты геомагнитной съемки.

Методику раскопок 70-х годов, примененную в Бернашевке, нельзя назвать совершенной. Прежде всего, это касается фиксации обнаруженных объектов и находок. Культурный слой памятника чрезвычайно насыщен находками, поэтому при раскопной сетке 2×2 м и фиксации находок по «штыкам», т.е. в интервале 0,2 м, информация о точном расположении того или иного предмета утрачивается. Практика нанесения на один чертеж архитектурных остатков и находок, составляющих бытовой инвентарь, также приводит к утрате информации. На чертежах планов (выполненных для одного из нескольких горизонтов) раскопанных объектов отсутствуют нивелировочные отметки (Збенович 1980, рис. 5, 9, 13, 18, 27, 39, 48). Отсутствует фиксация отпечатков деревянных конструкций на глиняной обмазке, поэтому характер, количество и направление отпечатков неизвестно.

Общей характеристики почвенной и археологической стратиграфии для стратифицированного памятника в монографии не было приведено. Есть только характеристика для раскопа № 5. В тексте упоминается «пахотный слой», упоминается «почвенно-растительный слой (гумус)» (10), а на чертежах обозначен «гумус» (Збенович 1980, 10).

Из описания раскопок следует, что практически во всех раскопах В.Г. Збенович фиксирует наличие двух-трех стратиграфических горизонтов, а кроме остатков сожженных построек в виде скоплений обожженной глины в раскопах исследованы разной площади и интенсивности скопления культурных остатков. Однако описание находок в монографии (Збенович 1980, 10-55) приводится суммарно по раскопам, а не по выделенным им горизонтам. Таким образом, выяснить, какие находки связаны с конкретными жилищами разных горизонтов, а какие с окружающей площадью

на той или иной глубине, и как они располагались (при раскопках была использована сетка квадратов 2×2 м) практически невозможно.

Например, в раскопе № 3 В.Г. Збеновичем были прослежены следующие слои: культурный слой мощностью около 0,3 м, насыщенный находками в разной степени; строительные остатки в виде скоплений обожженной глиняной обмазки («площадка»), относящиеся к верхнему строительному горизонту; культурный слой с разнообразными находками, лежащий ниже уровня залегания строительных остатков верхнего горизонта; культурный слой нижнего строительного горизонта, включающий строительные остатки в виде скоплений обожженной глиняной обмазки («площадка»); культурный слой под строительными остатками нижнего горизонта. Очевидно, что выявленные в раскопе № 3 находки относятся к нескольким разным объектам, однако В.Г. Збенович приводит «описание вещественного материала суммарно для обоих жилищ» (Збенович 1980, 23-30). На самом деле как материалы из жилища № 3 описаны и фигурируют во всех подсчетах находки, полученные со всей площади раскопа № 3. Суммарный подсчет материалов из разных объектов и стратиграфических горизонтов в пределах одного раскопа и дальнейшие статистические подсчеты проведены для кремневой индустрии (Збенович 1980, 68, табл. 1), керамики (Збенович 1980, 105, табл. 2; 106, рис. 66), остеологических находок (Збенович 1980, 142, табл. 4). При таком подходе к фиксации и анализу находок неубедительным выглядит утверждение В.Г. Збеновича про «полное сходство инвентаря двух жилищ [верхнего и нижнего строительных горизонтов], проявляющееся в идентичности форм и орнаментальных сюжетов керамики всех технологических групп, в процентном соотношении этих групп, наборе орудий труда и предметов пластики» (Збенович 1980, 30).

Современное свидетельство не вполне совершенной методики раскопок 70-х годов в Бернашевке получено Д.К. Черноволем. Им была частично исследована яма № 2. Было установлено, что ее перерезала траншея, ориентированная север-юг, шириной 1 м. Однако в документации о раскопках В.Г. Збеновича никаких углубленных объектов, обнаружен-

ных им в траншеях, не значится (Черновол 1980, 34). Несовершенные методы фиксации затрудняют как объективную интерпретацию выявленных объектов, так и возможные реконструкции.

Топография

Поселение Бернашевка I расположено на холме-останце, который на 3 м возвышается над первой надпойменной террасой, на которой он расположен на левом берегу р. Днестр в устье р. Жван (рис. 1), на высоте около 9 м над летним уровнем Днестра. Вершина холма овальная в плане, площадью около 1,5 га, вероятно, не затоплялась в результате паводков. Следы наводнений в виде прослоек ила зафиксированы В.Г. Збеновичем в разрезах только у подножья холма. Однако Д.К. Черновол ссылается на мнение Б.Т. Ридуша о возможности затопления поселения водами рек Днестр и Жван (Черновол 2016, 34). Вопрос о возможности затопления непосредственно площади поселения Бернашевка пока окончательно не выяснен. Проблема наводнений на памятнике имеет принципиальное значение, так как, по мнению Д.К. Черновола, «во время затопления определенные сооружения прекращали свое существование, они подвергались ритуальному сожжению, а на их месте возникали другие объекты. Этим можно объяснить мощность культурного слоя между жилищами, который образовался в результате смылов, и заиливание материала еще в процессе существования поселения. Кроме того, объяснить состояние площадок, которые не только слабо обожжены, но и размывались уже после исчезновения поселения». Однако вероятность затопления верхней части холма пока не подтверждена данными раскопок. Для Триполья известны и другие стратифицированные поселения, где зафиксировано возобновление поселков на месте сожженных построек, например, Поливанов Яр. И эти поселения расположены в топографических условиях, исключающих их затопление. То есть затопление поселения не являлось причиной сожжения домов и сооружения нового поселка. Затопление не могло быть причиной накопления значительного количества культурных остатков, а только создавало возможность их перемещения и, возможно, концентрации в определенных местах.

Разрушение археологических объектов в результате паводков уже в более позднее время вполне вероятно. Косвенным подтверждением такой возможности может быть фиксация В.Г. Збеновичем в Бернашевке материалов кириленской группы Триполья С II. Стратиграфически они не выделяются, их находки приурочены к самой высокой части холма. Объекты этого этапа не обнаружены (Збенович, 1980, 128-129). Важно отметить, что по данным В.Г. Збеновича фрагменты керамики позднего Триполья найдены непосредственно на глиняной обмазке от конструкций построек этапа Триполья А II 1 в жилище № 2. Здесь найдено также 2 кремневых топора. Вместе с находками верхнего горизонта раннетрипольского жилища № 3 обнаружены фрагменты керамики, два миниатюрных расписных сосуда, деформированных от повторного обжига, 20 кремневых изделий, среди которых большие пластины и 2 наконечника стрел. Такое расположение артефактов разных этапов Триполья свидетельствует о перетолжении культурных остатков и нарушении культурного слоя (Збенович 1980, 21).

Планировка поселения

Представления о планировке Бернашевки обновлены, хотя предположения Д.К. Черновола о планировке и общем количестве жилищ нуждаются в дальнейшем уточнении (Черновола 2016, 20); объективных данных, позволяющих окончательно представить застройку поселения, на данный момент недостаточно. В решении данного вопроса о застройке поселения опираться на результаты геомагнитной съемки 70-х гг. было бы не корректно, поскольку они могут быть подвергнуты сомнению на основании раскопок как В.Г. Збеновича, так и Д.К. Черновола. Анализ планов поселений, полученных в результате геомагнитной съемки магнитометром М-27 по сетке квадратов 4×4 м на площади в сотни гектар, например для Майданецкого, показал, что эти планы могут рассматриваться как близкие к реальности только в общих чертах.

Именно исследования Д.К. Черновола дают представление о планировке большей части поселения Бернашевка (Черновола 2016). Необходимо подчеркнуть, что речь идет о планировке поселения верхнего строительного горизонта. Точных данных о том, что по-

стройки, выявленные В.Г. Збеновичем и Д.К. Черноволом существовали одновременно, пока не приведено, однако с большой долей вероятности можно предположить, что семь жилищ верхнего строительного горизонта из раскопов №№ 1-6 и жилища №№ 8-17, раскопанные Д.К. Черноволом, относились к одному, а именно верхнему, строительному горизонту. Глинобитные постройки поселения верхнего строительного горизонта были расположены вдоль берега Днестра на вершине и пологом склоне невысокого холма. Дома расположены группами, четкая структура застройки в виде рядов или кругов построек не прослежена (рис. 2/3-4).

Аналогичная планировка характерна для таких поселений Прекуктябрь-Триполье А как Тырпешть (Marinescu-Bîlci 1981, fig. 11), Александровка (Бурдо 1989, 6, 1), а также для многих памятников Кукутень, например Тырпешть, Трушешть-Цугуиета, Хэбэшешть-Холм (Lazarovici, Lazarovici, Turcanu 2009, 29, fig. 4; 30, fig. 6; 119, fig. 1).

Остатки построек

Приведем и рассмотрим основные данные относительно остатков построек, исследованных в Бернашевке В.Г. Збеновичем.

В раскопе № 1 (Збенович 1980, 14-18) исследованы строительные остатки жилища № 1. Это единственная постройка на поселении, расположенная на довольно крутом склоне. Перепад высот современной дневной поверхности в направлении с востока на запад достигает 0,3 м на 10 м, а с юга на север – 0,2 м на 4 м. Остатки жилища № 1 обнаружены «непосредственно под пахотным слоем на глубине 0,3 м от поверхности (1,0-1,1 м от репера)». Они представлены «в виде отдельных скоплений кусков обожженной глины, составляющих массив с рваными краями». Наибольшая длина скопления обожженной глины – 11 м, ширина – 2 м. Обожженная глина с примесью половы, цветовая гамма светлых тонов, соответствующих слабому обжигу – «светло-желтый, белесоватый, коричневый». Комья обмазки преимущественно аморфные. На нижней стороне кусков обмазки «иногда встречаются отпечатки лозы и ветвей деревьев». Толщина обмазки деревянных конструкций на большинстве участков составля-

ет 0,05-0,06 м. В центральной части выявлен участок, состоящий из «плитчатого пола», куски обмазки толщиной 0,1-0,12 м с ровной верхней поверхностью расслаиваются по горизонтали. Плитчатые обломки известняка найдены вдоль краев скопления обмазки и «непосредственно среди» кусков обожженной глины.

Непосредственно среди обмазки «находок немного», развалы трех сосудов зафиксированы за пределами скопления обожженной глины. Находки (скопления костей и рогов, камни, два больших рога тура, найденные рядом с камнями в 1 м друг от друга, фрагменты керамики, роговой топор) чаще встречаются вдоль краев скопления обожженной глины, на одном с ним уровне и чуть ниже. Восточная часть скопления обожженной глины насыщена находками больше, чем западная. Непосредственно под слоем обмазки зафиксирован слой «закопченного грунта мощностью 0,15 м», в нем «значительное количество находок». Одиночные находки встречаются до глубины 0,4-0,5 м. Находки из раскопа № 1: более 200 орудий труда; 832 фрагмента от 186 сосудов; 2 фрагмента антропоморфных статуэток.

В раскопе № 2 (Збенович 1980, 18-23) выявлены скопления обмазки, которые можно интерпретировать как остатки двух построек. Слой обмазки обнаружен на глубине 0,45-0. Западное жилище № 2а отделяется от восточного № 2б полосой шириной около 1,5 м, в которой редко встречаются комья обожженной глины, преобладают находки известняка.

Залегание обожженной глины жилища № 2а длиной 9 м, шириной 6 м; № 2б – 14 м и 8 м. Обе постройки в плане прямоугольные, с неровными рваными краями, ориентированы приблизительно по линии север-юг (Збенович 1980, 19, рис. 9). Залегание обожженной глины в обоих случаях состоит из отдельных аморфных в плане скоплений обмазки с рваными краями. В обмазке растительная примесь, «на отдельных плитчатых обломках снизу видны отпечатки лозы». Цвет обмазки варьирует от ярко-красного до серовато-желтого. В юго-западном углу жилища 2а обнаружен небольшой участок оплакованной глины. Ровные в верхней части куски обмазки

часто расслаиваются, их толщина – 0,1-0,12 м. Преобладают аморфные комья обмазки небольшой толщины.

Вдоль северного края жилища № 2б за пределами скопления обожженной глины зафиксировано скопление костей животных, мелких и средних камней, раковин *Unio*, отщепы и орудия из кремня, немногочисленные фрагменты керамики. Мощность этого слоя составляет 0,15 м. Непосредственно на слое обмазки и между комьями обожженной глины в значительном количестве встречены фрагменты керамики (развалов нет), кости и рога животных, кремневые орудия и отщепы, фрагментированные антропоморфные статуэтки. У южного края жилища № 2б найден череп быка, рядом – поддон фруктошницы. Еще один череп быка обнаружен также в юго-восточном углу постройки под слоем обожженной глины. Материал беспорядочно разбросан в пределах площадки.

В раскопе № 2 «в верхней части культурного слоя, иногда прямо на площадке, изредка встречаются материалы позднетрипольского времени» (Збенович 1980, 21).

По всей площади раскопа № 2 под слоем обожженной глины выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м, насыщенный находками костей животных, много находок камней, немного фрагментов керамики и орудий труда. Культурные остатки залегают во взвешенном состоянии, не составляя четких скоплений.

Находки из раскопа № 2: более 1000 предметов производственного инвентаря, 2626 фрагментов керамики от 661 сосуда, 20 фрагментов антропоморфной пластики, створки *Unio* с отверстиями, прямоугольная пластинка из *Unio*, плоская овальная каменная подвеска.

Раскоп № 3 (Збенович 1980, 23-33) площадью 150 м² расположен в центральной части поселения на вершине холма. Здесь зафиксировано стратиграфическое залегание культурных и строительных остатков, позволяющих говорить о наличии двух горизонтов.

Верхний горизонт начинается на первом штыке (0,25 м от репера) в виде культурного слоя мощностью около 0,3 м, прослежен по всей площади раскопа, но залегал неравномерно в виде скоплений культурных остатков, вклю-

чая многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики, кремневые, сланцевые изделия, предметы пластики, камни. Спорадически встречались комья обожженной глины. Наиболее насыщенные находками скопления зафиксированы в западной части раскопа на площади около 8 м². Здесь найдены многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики, отдельные целые маленькие сосудики, кремневые и сланцевые изделия, предметы пластики. В скоплении площадью около 16 м² в северо-восточной части присутствовало очень много отщепов, нуклеусов, орудий из кремня. В центральной части раскопа культурный слой насыщен значительно слабее.

Остатки сожженной постройки (жилища верхнего горизонта) в виде залегания обожженной глины площадью около 13 м² выявлены у восточного края раскопа на глубине 0,26-0,33 м от репера, то есть непосредственно на первом штыке. Толщина обмазки с примесью половы и дробленых створок раковин составляла 0,1 м, в нижней части кусков иногда были зафиксированы отпечатки лозы. Цвет обмазки красновато-кирпичный или желтый. На слое обмазки и среди комьев обожженной глины встречены фрагменты керамики, кости животных, кремневые изделия и камни. Рядом с описанным скоплением обмазки обнаружены остатки глиняного возвышения диаметром 1,1 м с покатыми краями, высотой около 0,05 м. На возвышении обнаружен рог тура и несколько камней. Грунт под возвышением сильно обожжен, содержит примесь угольков. Южная часть возвышения была перекрыта аморфными комьями обожженной глины. Это свидетельствует о том, что возвышение, вероятно, находилось в жилище.

Нижний горизонт в раскопе № 3 зафиксирован на глубине 0,6-0,8 м от репера. Большую часть раскопа занимает скопление обожженной глиняной обмазки. Залегания обмазки верхнего и нижнего горизонта лежат одно ниже другого на 0,3-0,5 м. В плане эти залегания не совпадают. Непосредственная стратиграфия остатков глинобитных площадок обоих горизонтов зафиксирована лишь на очень небольших участках. Остатки жилища нижнего горизонта представляли собой аморфное

в плане скопление обожженной глины, образованное отдельными скоплениями обмазки. Толщина обмазки красного цвета колеблется от 0,06-0,08 м до 0,15-0,17 м, отмечены отпечатки лозы и «толстых веток деревьев». На небольшом участке зафиксирован обжиг обмазки до состояния шлака. Скопление обмазки не имело четких краев. Характер строительных остатков не позволяет установить ни форму, ни ориентацию постройки. Непосредственно на слое обмазки и между скоплениями обожженной глины обнаружено много камней.

В юго-западной части раскопа под комьями обожженной глины была зафиксирована яма диаметром и глубиной 0,5 м, в которой находились фрагменты большого сосуда – зерновика, часть кухонного горшка и фрагменты 9 кухонных сосудов. Все находки сильно пережжены.

В северо-восточном углу раскопа за пределами залегания обмазки зафиксировано скопление керамики в виде развалов 15 сосудов, в том числе фруктовниц, крышек, больших кухонных горшков. Вдоль северной и южной сторон раскопа в большом количестве встречались кости и рога животных. Выявлено несколько скоплений находок, в которые входили кости животных, створки раковин, отбойник; отбойник, роговой топорик, кости животных между большими плитчатыми кусками известняка.

Остатки жилища нижнего горизонта несут явные следы пожара: это обгоревшие, оплавленные сосуды, перегоревшие кремневые и сланцевые орудия труда, следы нагара на глиняной обмазке. Грунт под залеганием обожженной глины (особенно в южной ее части) и кости животных, встреченные здесь, местами обожжены до черноты.

Под слоем обожженной глины от жилища нижнего горизонта обнаружен культурный слой мощностью около 0,3 м (преимущественно кости животных, камни, немного фрагментов керамики).

Находки из всех горизонтов раскопа № 3: кремневый инвентарь – более 1000 предметов, 5150 фрагментов керамики от 1381 сосудов, 14 фрагментов антропоморфных статуэток.

В раскопе № 3 найдено несколько кремневых изделий, фрагментов керамики и два расписных миниатюрных сосуда, относящихся к этапу Триполья С II. Находки этого периода встречались как в нижнем, так и в верхнем строительных горизонтах, но в основном в верхнем.

Площадь *раскопа № 4* (Збенович 1980, 33-41) – 150 м². Верхний горизонт представлен насыщенным культурным слоем мощностью 0,7 м. Находки концентрируются в виде скопления на глубине второго и третьего штыков.

Остатки жилища представлены залеганием обожженной глины, аморфным в плане, с неровными краями, максимальной длины 7 м, максимальной шириной 3 м. Остатки постройки прослежены в южной части раскопа. Толщина кусков обмазки с обильной примесью половы составляет 0,7-0,9 м. Верхняя часть кусков обмазки заглажена, на нижней и боковой частях иногда встречаются отпечатки толстых ветвей и небольших плоских плашек. Цвет обмазки красный и желтовато-розоватый. Вдоль краев скопления обмазки зафиксированы находки камней. Находки обнаружены на слое обмазки и среди кусков обожженной глины. Это кремневые изделия и обломки кремня, фрагменты керамики, фрагменты крупного зерновика и кости животных.

Ниже уровня залегания обожженной глины зафиксирован культурный слой мощностью до 0,5 м. Под слоем обмазки на глубине 1,15-1,3 м от репера найдены костяной рыболовный крючок, проколка, развертка из клыка кабана, антропоморфная статуэтка, дно большого сосуда. В основном же культурный слой под обмазкой на глубине 1,0-1,5 м от репера насыщен костями и рогами диких животных, небольшими камнями, отдельными фрагментами керамики, редкими кремневыми изделиями. На глубине 1,4-1,6 м расчищено скопление, состоящее из целого черепа тура, лежащего сверху затылочной частью, челюсти и нескольких костей быка, рогов оленя и козы. Здесь же кремневый шаровидный отбойник и около 10 мелких фрагментов керамики.

В центральной части раскопа скопления из аморфных кусков обожженной обмазки встречаются лишь спорадически. Между та-

кими скоплениями залегают уплощенные куски известняка, кости и рога животных, керамика. В целом культурные остатки здесь довольно разрежены, количество фрагментов керамики и костей приблизительно одинаково, кремль встречается реже.

В северной части раскопа лишь изредка встречаются отдельные комья рыхлой обмазки, теряющиеся среди сплошного залегания камней, костей, обломков кремня. Между камнями (а также на них и под ними) в изобилии залежали кости животных – трубчатые, фаланги, челюсти, ребра; рога оленя и тура. Всего на уровне 0,8-1 м в раскопе № 4 обнаружено более 1700 крупных и средних костей животных (в основном диких), основное их количество приходится именно на северную часть раскопа. На краю скопления костей на глубине 1 м рядом с небольшими кусками обмазки найдены оленьи рога и целый череп тура (Збенович 1980, рис. 37). Кроме того, в северной части раскопа выявлена концентрация находок кремня на глубине 0,8-1 м. Скопления состояли из 70 и 90 обломков и орудий из кремня (обломки, отщепы, сколы, нуклеусы, отбойники, готовые орудия). В одном скоплении найдено 11 нуклеусов, в других скоплениях присутствовало по 12, 18, 9 нуклеусов.

Находки из раскопа № 4: 1150 кремневых изделий, 14 каменных орудий, 15 костяных и 3 роговых предмета, 1878 фрагментов керамики от 650 сосудов, 11 фрагментов антропоморфных статуэток, зооморфные ручки черпаков, орнитоморфная ручка крышки, много створок раковин *Unio* с отверстиями в базальной части.

В *раскопе № 5* (Збенович 1989, 41-48) выявлено два строительных горизонта. Верхний строительный горизонт представлен остатками жилища в виде залегания обожженной обмазки, которое обнаружено на уровне второго штыка. Скопление обмазки аморфное в плане, удлиненное по линии запад-восток, с неровными краями, максимальная длина 9 м, максимальная ширина 3,5 м. На большей площади раскопа сохранились лишь разрозненные небольшие куски рыхлой комковатой обмазки. Более или менее компактное залегание кусков обожженной глины обнаружено лишь в западной части раскопа. Зафиксиро-

ваны выровненные сверху куски обмазки размерами 0,15×0,18 м, толщиной 0,07-0,09 м. На нескольких из них сверху прослежены отпечатки узких (0,05-0,06 м) плашек. На нижней стороне кусков обмазки заметны отпечатки лозы или довольно толстых веток. Вдоль северного края раскопа залегали плитчатые обломки известняка. Среди кусков обмазки обнаружены фрагменты керамики, у северо-западного края скопления обмазки найден развал сосуда с костями животных, орудия труда из кремня, камня, кости и рога, кости и рога животных, створки раковин. У южного края на глубине 0,91 м от репера найден целый череп овцы. Рядом с восточным краем залегания обмазки на площади около 12 м² на глубине 0,65-0,75 м обнаружено мощное скопление культурных остатков, включая многочисленные плиты известняка. Среди камней обнаружены многочисленные кости и рога животных, ракушки, куски кремня, орудия, немного фрагментов керамики.

В северо-западной части раскопа на расстоянии 6 м от западного края скопления обожженной глины обнаружено небольшое по площади (около 1 м²) аморфное в плане скопление обожженной глины в сопровождении плиток известняка, отдельных фрагментов керамики, крупных костей животных, кусков кремня и около 10 круглых кремневых отбойников (Збенович 1989, 44).

На всей площади раскопа № 5 был зафиксирован культурный слой, залегающий ниже уровня остатков жилища верхнего строительного горизонта. Много находок обнаружено непосредственно под площадкой: роговая мотыга, сланцевый топорик и костяное шило, крышечка и фрагмент антропоморфной статуэтки. Также много фрагментов керамики, кремневых изделий и обломков кремня, костей животных. На некоторых костях хорошо заметны следы охры. Грунт под площадкой местами имеет примесь золы, а на культурных остатках – следы нагара.

Нижний строительный горизонт представлен остатками постройки в виде небольшого скопления плитчатых обломков обожженной глины на площади 2 м². Залегание состояло из разрозненных кусков рыхлой глины со значительной примесью половы, лишь на не-

большом участке составлявших компактный массив. Остатки жилища нижнего горизонта обнаружены в восточной части раскопа в 3 м от восточного края залегания строительных остатков жилища верхнего горизонта, на глубине 1,05-1,18 м от репера, на 0,4-0,5 м ниже уровня залегания обмазки жилища верхнего горизонта. Среди обломков глины и рядом с ними найдены кости (кучка на глубине 1,18 от репера), раковины, несколько фрагментов керамики, обломки известняка, «мелкие камни и несколько кремней.

Находки из раскопа № 5: 583 кремневых изделия, 13 изделий из камня, 10 изделий из кости, 1617 фрагментов керамики от 617 сосудов, 3 фрагмента антропоморфной пластики.

В раскопе № 6 (Збенович 1980, 48-55) сильно разрушенные остатки жилища обнаружены на втором штыке на глубине 0,35-0,4 м от репера. Максимальные размеры площади, на которой встречаются комья обмазки – 10×5 м. Зафиксированы отдельные скопления культурных остатков, более или менее компактное залегание обожженной обмазки отмечено лишь на площади около 4 м² (Збенович 1980, рис. 48). На остальных же участках раскопа найдены небольшие и далеко отстоящие одна от другой кучки комковатой рыхлой обмазки розового и белесоватого цвета, толщиной 0,05-0,06 м. Вдоль края залегания обмазки, на обмазке и между кусками обмазки залегали развалы сосудов, фрагменты керамики, орудия труда, многочисленные кости животных, мелкие камни. Вдоль западного края раскопа обнаружены плитчатые обломки известняка, также есть скопления известняка. Под слоем с обожженной глиной обнаружен культурный слой мощностью до 0,3 м, который состоит преимущественно из костей и рогов животных. В северо-западной части раскопа выявлено небольшое скопление раковин на глубине 0,89 м от репера.

Находки из раскопа № 6: 534 кремневых изделия, 19 изделий из камня, 5 изделий из кости и 3 из рога, 1762 фрагмента керамики от 539 сосудов, 10 фрагментов, антропоморфной пластики, фрагмент керамического стульчика-трона, 3 фрагмента зооморфных деталей керамики, 1 амулет с зубчатыми краями, изготовленный из створки раковины *Unio*.

Особенности остатков построек и культурного слоя Бернашевки

Остатки сожженных глинобитных построек являются основными объектами поселения Бернашевка. Строительные остатки в виде скоплений обожженной глины и В.Г. Збенович и Д.К. Черновол называют «площадками». Однако необходимо подчеркнуть, что характер остатков сожженных построек в Бернашевке отличается от типичных для Триполья, в том числе и раннего этапа (Бурдо 1989, 7-10), залегающих пластов обожженной глины, получивших условное название «площадка» или «platforma» в румынской историографии. Приведем основные отличия бернашевских строительных остатков.

В Бернашевке строительные остатки представляют собой преимущественно аморфные в плане пятна культурного слоя, фактически не имеющие четких границ и включающие отдельные скопления кусков обожженной глиняной обмазки в сопровождении многочисленных находок фрагментов керамики, кремневых артефактов, костей животных. Более или менее большие по площади аморфные скопления не формировали монолитного залегания обожженной глины, называемого «площадкой».

В большинстве случаев выявлено залегание обожженной обмазки отдельными пятнами, оно сопровождалось фрагментами керамики, артефактами из кремня, камня, фрагментами керамики, костями и рогами животных, иногда целыми их черепами, отдельными предметами пластики и другими культовыми предметами. Судя по скоплениям обмазки, жилища были различных размеров. Однако во многих случаях фрагментарность строительных остатков не позволяет с уверенностью установить форму и ориентацию постройки, не говоря уже о реконструкции ее деталей и интерьера.

Попытки Д.К. Черновола реконструировать строительные остатки на основании «площадок» других, преимущественно более поздних и принципиально отличных от Бернашевки поселений (Черновол 2016), выглядит неубедительно и искажает реальную картину. Строительные остатки, зафиксированные на чертежах В.Г. Збеновича, не позволяют согласиться с выводом Д.К. Черновола, что «форма

остатков обнаруженных сооружений главным образом близка прямоугольной», тем более что он сам констатирует, что *из-за слабой сохранности объектов трудно проследить их размеры* (Черновол 2016, 22).

Предположения и выводы Д.К. Черновола о конструкции и интерьере жилищ из Бернашевки построены на очень невыразительных материалах сожженных построек, от которых не сохранилось почти ничего, кроме комьев обожженной глины. Привлечение аналогий малопонятным конструктивным деталям бернашевских объектов из раскопок памятников более поздних периодов Триполья (вплоть до этапа С1) не всегда корректно. Отметим также, что опубликованные «фрагменты орнаментированных стен», найденные на площадке № 15 (Черновол 2016, 27-28, рис. 11), на самом деле являются фрагментами толстостенных сосудов-зерновиков с наклепным декором.

Строительные остатки из Бернашевки представлены преимущественно небольшими кусками глиняной обмазки с примесью половы (в единичных случаях зафиксированы добавки раздробленных створок раковин) толщиной 0,05-0,12 м. Комья обмазки аморфные, часть из них имеет заглаженную ровную поверхность, иногда с отпечатками лозы, прутьев. Обжиг глиняной обмазки неравномерный, цветовая гамма соответствует преимущественно невысокой температуре обжига. Цвет обмазки варьирует от желтого и коричневого до темно-красного. Для одного жилища отмечен небольшой участок глины, обожженной до состояния шлака.

Залегания обожженной глины от построек в Бернашевке сопровождается культурный слой, состоящий из сотен фрагментарных сосудов, костей, рогов и отдельных черепов животных. В.Г. Збенович отмечает редкие случаи нахождения развалов сосудов, но даже в этих случаях это не полные сосуды, а лишь их крупные части. Классические площадки, как правило, содержат преимущественно развалы сосудов, причем иногда они исчисляются десятками (Бурдо 2003b). Фрагментарная керамика обычно встречается гораздо реже, чем развалы. Характер находок из остатков построек в Бернашевке больше напоминает заполнение трипольских углублений и ям.

Таким образом, остатки глинобитных построек из Бернашевки отличаются как конструктивными особенностями строительных остатков, так и инвентарем жилищ.

Объяснение необычного характера строительных остатков Бернашевки отчасти объясняется плохой сохранностью памятника и последующими разрушениями объектов. Однако исключительно эти факторы не могли привести к образованию культурного слоя поселения. Остатки построек из Бернашевки дают слишком мало данных для их реконструкции. Вероятно, при сооружении домов использовалось дерево для опорных конструкций и перекрытий и глина для обмазки конструкций. Обмазка с отпечатками «лозы» и прутьев («веток деревьев») может происходить от плетневых стен, обмазанных глиной.

На обмазке деревянных перекрытий глинобитных построек Триполья А как правило четко зафиксированы отпечатки бревен и горбылей, а для более поздних периодов распространены отпечатки колотого дерева. Вероятно, при строительстве домов в Бернашевке глины использовалось значительно меньше, чем при сооружении домов, от которых остаются строительные остатки в виде «площадки». Об этом свидетельствует как толщина кусков обмазки, так и меньший массив обожженной глиняной обмазки. Обжиг глиняной обмазки четко указывает на сожжение жилищ, однако температуры пожара обмазки из Бернашевки не достигали 1000°, как это наблюдается на большинстве исследованных трипольских поселениях (Бурдо 2003b).

Характер находок среди строительных остатков Бернашевки свидетельствует о том, что здесь инвентарь не расставляли определенным образом перед сожжением дома, как во многих раскопанных жилищах (Бурдо 2003b). Именно это второе важное отличие бернашевских построек. В связи с этим можно предположить, что, во-первых, в Бернашевке строили дома несколько отличной от последующих периодов Триполья конструкции, а во-вторых, ритуал оставления поселения отличался некоторыми деталями. По мнению Д.К. Черновола, «площадки классического вида появляются только в конце раннего Триполья. Вероятно, в процессе развития культ

сожжения построек обрстал определенными традициями, в частности расстановкой посуды в доме по определенным правилам» (Черновол 2016, 22). В действительности «классические площадки» зафиксированы уже для памятников начала фазы Прекукутень III-Триполье А.

Глиняные возвышения-«вымостики» в Бернашевке единичны. Одна вымостка обнаружена в жилище № 3 верхнего строительного горизонта. Глиняное возвышение с покатыми краями растрескалось на отдельные куски. Его диаметр 1,1 м, высота около 0,05 м. На возвышении обнаружен рог тура и несколько камней. Грунт под возвышением сильно обожжен, содержит примесь угольков. Южная часть возвышения была перекрыта аморфными комьями обожженной глины. Это свидетельствует о том, что возвышение, вероятно, находилось в жилище. По мнению В.Г. Збеновича, это возвышение было подом печи (Збенович 1980, 26), однако никаких деталей свода не обнаружено. Кроме того крепление свода к покатым краям возвышения вряд ли возможно.

Глиняные возвышения размерами около 1,5×1,5 м за пределами домов обнаружены Д.К. Черноволом вблизи остатков жилищ №№ 11 и 17. По мнению исследователя, они были «открытыми очагами» и «обустраивались для хозяйственно-бытовых потребностей – например, приготовления пищи в летнее время, чтобы лишний раз не поднимать температуру в жилом помещении». На поверхности такого возвышения вблизи «площадки» № 17 было обнаружено чашевидное углубление диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м. По мнению исследователя, оно могло служить для «установки горшка» (Черновол 2016, 32-33). Вымостка с чашевидным углублением в центре находит близкие аналогии в глиняной конструкции очага из жилища № 1 поселения Кукутень В Кукутень-Дымбул Морий (Lazarovici, Lazarovici, Turcanu 2009, fig. 2).

Вокруг возвышения в радиусе 2 м были найдены многочисленные фрагменты «кухонной керамики», что косвенно подтверждает назначение вымостки как открытого очага для приготовления пищи, по крайней мере в летнее время». По сообщению Д.К. Черно-

вола, между «площадкой» № 17 и вымосткой найдены пережженные гальки, которые, «вероятно, накалялись на вымостке, а затем ими нагревали воду или подогревали пищу» (Черновол 2016, 33, рис. 12).

Интерпретация таких объектов, предложенная Д.К. Черноволем, выглядит неубедительно. Зачем нагревать пищу накаленными на очаге гальками, если можно было делать это на очаге? Есть ли доказательства того, что сосуды, условно называемые «кухонными», служили именно для приготовления пищи? И почему фрагменты этих сосудов (а не разбитые сосуды) рассеяны в радиусе 2 м вокруг очага? И, наконец, стремление «не поднимать температуру в помещении в летнее время» должно было привести к сооружению глиняных возвышений-очагов рядом со всеми жилищами, однако, несмотря на широко раскопанные площади вокруг построек на поселении, такие объекты единичны.

Углубленных объектов в Бернашевке найдено немного. Их можно разделить на ямы (углубления диаметром до 2,5 м), обнаруженные в домах или на площади поселения, и углубления (диаметр превышает 2,5 м).

В юго-западной части раскопа № 3 в нижнем строительном горизонте под комьями обожженной глины была зафиксирована яма диаметром и глубиной 0,5 м в которой находились пережженные фрагменты большого сосуда-зерновика, часть кухонного горшка и фрагменты 9 кухонных сосудов. Все находки сильно пережжены (Збенович 1980, 27). Д.К. Черновол обнаружил аналогичные ямы в жилищах № 8 и 10, они находились под слоем обожженной обмазки. Их диаметр – 1 м, глубина не превышала 0,5 м.

Яму и два углубления за пределами построек исследовал Д.К. Черновол. Яма № 3 обнаружена рядом с торцевой частью жилища № 17, ее диаметр 1,5 м, глубина всего 0,2 м. На дне ямы обнаружены плоские камни известняка, на которых выявлено скопления костей и рогов крупного рогатого скота (Черновол 2016, 34). Углубления были разрушены и исследованы частично. Углубление № 1 зафиксировано на склоне, оно было диаметром не менее 8 м, раскопанная площадь составила 30 м², предполагаемая площадь до 60 м². Заполне-

ние углубления от самого верха чрезвычайно насыщено находками, в том числе фрагментами керамики, костями животных, изделиями из кремня, камня, кости. Кроме того, в яме обнаружены угольки, фрагменты антропоморфной пластики, обугленные зерна злаков, кости рыб и птиц, мелкие изделия из меди. На глубине 0,5 м от поверхности обнаружено залегание обожженной глиняной обмазки, которое повторяло профиль ямы, понижаясь до глубины 0,7 м (Черновол и др. 2010, 464).

По мнению Д.К. Черновола, слой обожженной глины в заполнении углубления свидетельствует о том, что яма находилось в жилище, сожженные конструкции которого упали в углубление, которое «в процессе дальнейшего существования поселения обустроили под утилизацию хозяйственных отходов. ... можно предположить, что яма вначале была котлованом для выборки глины» (Черновол 2016, 34). Однако представляется, что углубление такого размера не могло находиться «под площадкой», то есть в жилище. Такому предположению противоречит и первоначальное назначение ямы («глинянки») для добычи глины. Более вероятно, что на втором этапе существования углубление использовалось для захоронения сожженного жилища нижнего строительного горизонта (слой обмазки), а затем для сбрасывания «священного мусора» – то есть остатков жертвоприношений. Ямы с похороненными остатками жилищ зафиксированы на многих поселениях Триполья (Бурдо, Видейко 2016, 176-178).

Углубление № 2 было в диаметре не менее 5 м, стенки пологие, заполнение насыщено фрагментами керамики, костями животных и «хозяйственными отходами». На краю и на дне углубления обнаружены скопления обожженных створок раковин *Unio*. Слой раковин и заполнение с многочисленными находками разделены прослойкой стерильного грунта толщиной 0,1 м. По мнению Д.К. Черновола, это углубление также первоначально использовалось для добычи глины, затем в этом месте были некие «рабочие места», связанные с получением извести из раковин, а впоследствии в яму сбрасывали мусор (Черновол 2016, 34). Отметим, что Д.К. Черновол зафиксировал единственный для Бернашевки случай большого скопления раковин *Unio*.

На других раннетрипольских поселениях, расположенных на первой надпойменной террасе Днестра, таких как Берново-Лука, Лука-Врублевецкая (Бибиков 1953, 25, рис. 9, рис. 14-17; 55, рис. 29; 65, рис. 65), слои из раковин в углублениях встречаются достаточно часто. Возможно, что стерильная прослойка в углублении № 2 появилась в результате затопления нижней части холма, на котором расположена Бернашевка, разливом Днестра.

Культурный слой на поселении Бернашевка во всех прослеженных горизонтах, как в пределах залегания обмазки, так и вокруг, чрезвычайно насыщен находками. Наиболее многочисленны кости и рога животных, фрагменты керамики, кремневые артефакты, необработанные камни известняка разных форм и размеров. Аналогичный культурный слой, без фиксации каких либо объектов, для поселений Прекукутень II - Триполье А Флорешть I (Пассек 1961, 199), Флорешть III (Bodean 2001, 47), Ларга-Жижиа (Александреску 1961, 21). В ряде случаев наряду со скоплениями находок прослежены угольки, золистые пятна, пережженный грунт и обожженные находки.

По данным Д.К. Черновола, мощность культурного слоя на свободной от застройки площади поселения составляет 0,2 м. По его наблюдениям наибольшее количество находок происходит из культурного слоя вокруг жилищ, в то время как на незастроенной площади находки немногочисленны. По данным В.Г. Збеновича, мощность культурного слоя на разных участках холма, который занимало поселение, колеблется от 0,3 до 0,5 м (Збенович 1980, 56). Отметим, что столь интенсивно насыщенный и достаточно мощный (до 0,5 м) культурный слой вне построек является особенностью, не типичной для большинства трипольских памятников.

В свое время были предложены различные версии интерпретации культурного слоя за пределами остатков построек. Так, по мнению В.Г. Збеновича, культурный слой за пределами жилищ может быть связан «с бытовыми отходами, выброшенными за пределами жилья» (Збенович 1980, 20-21). Наиболее насыщенные находками скопления в раскопе № 3 на площади около 8 м², включали многочисленные кости и рога животных, фрагмен-

ты керамики, отдельные целые маленькие сосудики, кремневые и сланцевые изделия, предметы пластики. Они интерпретированы В.Г. Збеновичем как «кухонные отбросы» (Збенович 1980, 27). Находки большого количества костей и рогов животных вдоль северной и южной сторон раскопа № 3, а также скопления, включающие кости, раковины, отбойник; отбойник, роговой топорик, кости животных между большими плитчатыми кусками известняка исследователь интерпретирует как «участки, связанные с какими-то хозяйственными занятиями (разделкой мяса, обработкой сырья и т.д.)», находившиеся у края жилища (Збенович 1980, 30). В скоплении на глубине 0,8-1 м в раскопе № 4 обнаружено более 1700 костей животных. На краю скопления костей на глубине 1 м рядом с небольшими кусками обмазки найдены оленьи рога и целый череп тура. Этот участок, по мнению В.Г. Збеновича, представлял собой «скорее всего место для разделывания туш животных» (Збенович 1980, 37; 44, рис. 37). Необходимо упомянуть и другую интерпретацию черепов быка и тура в культурном слое, предложенную В.Г. Збеновичем. Он отмечал, что эти находки «указывают на важную культовую роль» быка в мировоззрении трипольцев (Збенович 1989, 166).

На некоторых участках культурного слоя в скоплениях много находок кремня. Например, в скоплении площадью около 16 м² в северо-восточной части раскопа № 3 присутствовало очень много отщепов, нуклеусов, орудий из кремня. Этот участок рассматривается как «рабочая площадка или мастерская» (Збенович 1980, 27). В раскопе № 4 выявлена концентрация находок кремня на глубине 0,8-1 м. По мнению В.Г. Збеновича, «место с повышенной концентрацией кремня [площадь приблизительно до 6 м²] можно рассматривать в качестве специального участка для его обработки, возможно – мастерской. Поскольку кремь располагался преимущественно между и под костями, можно предположить, что со временем мастерская перестала существовать и была перекрыта отходами обработки туш животных». Разный характер находок в скоплениях в культурном слое раскопа № 4 позволяет В.Г. Збеновичу утверждать, что здесь, «кроме жилища 4, открыта

примыкающая к нему легкая постройка типа сарая, а также находящиеся рядом участки с направленной хозяйственной деятельностью (очевидно, расположенные под открытым небом, и, возможно, вымощенные камнем) – кремневая мастерская и площадка для обработки туш убитых на охоте животных» (Збенович 1980, 38).

В нескольких случаях среди скоплений материала в культурном слое присутствуют куски обожженной глины. Например, в раскопе № 4 скопления из аморфных кусков обожженной обмазки лишь встречаются спорадически. Между такими скоплениями залегают уплощенные куски известняка, кости и рога животных, керамика (Збенович 1980, рис. 33). В целом культурные остатки здесь довольно разрежены, количество фрагментов керамики и костей приблизительно одинаково, кремнь встречается реже. По мнению В.Г. Збеновича, это «следы от небольшого легкого помещения типа сарая, непосредственно примыкавшего к жилью» (Збенович 1980, 36). Скопление керамики в виде развалов 15 сосудов, в том числе фрутковниц, крышек, больших кухонных горшков, выявленное в раскопе № 3 за пределами залегания обмазки, позволяет В.Г. Збеновичу высказать предположение, что «возможно, здесь находилась кладовая или легкая пристройка, где хранились сосуды с припасами» (Збенович 1980, 30). В раскопе № 6 на расстоянии 6 м от скопления обожженной глины обнаружено аморфное в плане (площадь около 1 м²) скопление обожженной глины в сопровождении плиток известняка, отдельных фрагментов керамики, крупных костей животных, кусков кремня и около 10 круглых кремневых отбойников. По мнению В.Г. Збеновича, здесь было «помещение типа сарая хозяйственного либо производственного назначения» (Збенович 1980, 44-45).

Аналогичных взглядов придерживается и Д.К. Черновол. Скопление плоских больших камней и костей животных возле остатков жилищ № 11 и № 15 трактуется как «место для свежевания и разделки туш животных». Насыщенность находками культурного слоя поселения за пределами построек Д.К. Черновол объясняет тем, что «хозяйственные отходы выбрасывались за пределы жилищ» (Чер-

новол 2016, 33). Отметим, что убедительные данные о находках конструктивных деталей «мастерских», «амбаров», «сарая» отсутствуют.

Приведенные примеры показывают, что почти все версии интерпретации скоплений находок в культурном слое за пределами объектов связаны с хозяйственно-бытовой сферой жизни поселения.

Стратиграфия поселения

Стратиграфические горизонты в культурном слое Бернашевки зафиксированы В.Г. Збеновичем и подтверждены раскопками Д.К. Черновол (Черновол 2016). В.Г. Збенович пришел к выводу о том, что «полная идентичность керамики и орудий труда, происходящих из разных уровней культурного слоя, свидетельствует о том, что последний сформировался на протяжении короткого отрезка времени; на это же указывает небольшая мощность прослойки между двумя строительными горизонтами в жилище № 3 (всего 0,3 м). Это поселение нельзя отнести к категории долговременных; прожив здесь, очевидно, несколько десятилетий, жители покинули его» (Збенович 1980, 59).

Четко установлены два строительных горизонта для поселения, однако интерпретация данных раскопок В.Г. Збеновича позволяет говорить о более сложной стратиграфии и выделении не менее пяти слоев/горизонтов, связанных с функционированием поселения (рис. 2/2).

На поселении Бернашевка анализ стратиграфических данных раскопок В.Г. Збеновича (Збенович 1980) позволяет выделить пять горизонтов, зафиксированных в раскопе № 3. Первый (нижний) горизонт [a] представлен насыщенным культурным слоем мощностью до 0,3 без строительных остатков. Следующий горизонт [b] представлен насыщенным культурным слоем и остатками сожженных построек №№ 3/1 и 5/1. Следующий горизонт [c], разделявший горизонты [b] и [d], в которых зафиксированы остатки жилищ, содержал только многочисленные находки. К верхнему строительному горизонту [d], вероятно, относятся остатки 17 жилищ (№№ 1, 2a, 2b, 3/1, 4, 5/1, 6 и №№ 8-17), выявленных в Бернашевке В.Г. Збеновичем и Д.К. Черново-

лом (рис. 2/1, 3-4). Горизонт [e] зафиксирован на ограниченной площади в виде искусственного всхолмления над остатками жилища № 3/2 (верхнего строительного горизонта) в центре поселения, хорошо заметном на профиле. Вероятно, горизонты [b] и [d], содержащие остатки сожженных построек, можно рассматривать как два строительных периода на поселении. Горизонты [a], [c] и [e], которые представлены исключительно насыщенным культурным слоем, предположительно являются периодами посещения места поселения с сожженными домами для проведения ритуалов.

Находки

Количество находок в Бернашевке из раскопок В.Г. Збеновича исчисляется тысячами: 13865 фрагментов керамики, 5077 кремневых артефактов, 12 656 фрагментов костей животных. Сопоставление данных о распределении находок в разных раскопах показывает, что, хотя есть тенденция увеличения находок для жилищ большей площади, все же количество находок не зависит напрямую от площади постройки. Так, в самом большом по площади раскопе № 2 (две постройки) найдено наибольшее количество изделий из кремня и антропоморфных статуэток. В то же время наибольшее число керамики происходит из раскопа № 3 (два строительных горизонта), занимающего по показателю площади второе место, а наибольшее количество костей животных – из гораздо меньшего по площади раскопа № 4. В целом не только количество находок в Бернашевке, но и их состав, и фрагментарность керамики соответствует, скорее, заполнению ям и углублений, а не инвентарю жилищ многих трипольских поселений.

Особенно поражает обилие костей животных. Остеологическая коллекция из Бернашевки (только раскопок В.Г. Збеновича) самая крупная среди трипольских памятников (Видейко, Бурдо 2004, 74). Жителями семи жилищ верхнего строительного горизонта и нижнего строительного горизонта, согласно нашим подсчетам, было съедено не менее 294,7 т мяса. Если предположить, что в поселке каждого горизонта жило по 50 человек, то на каждого человека в год приходилось по

около 60 кг мяса. Такое потребление мяса не характерно для земледельческих обществ, в которых мясо было преимущественно ритуальной пищей, чаще всего во время обрядов жертвоприношений. Ярким свидетельством таких обрядов являются относительно многочисленные находки рогов и в особенности черепов быков, туров, овцы, зафиксированные в Бернашевке и известные на других памятниках Триполья (Бурдо 2004, 358-359).

Вероятно, с обрядами жертвоприношения связано также и значительное фрагментирование керамики. Минимальное число сосудов из шести раскопов составляет, согласно подсчетам автора раскопок, 4038, т.е. в среднем каждый сосуд представлен всего тремя фрагментами (Збенович 1980, 105). Даже если принять эту цифру, то соответственно на каждого из 50 гипотетических жителей жилищ каждого строительного горизонта приходится более 40 сосудов. По нашему мнению, эти подсчеты, как и фрагментарность керамики, подтверждают использование бытовых сосудов в ритуалах.

Антропоморфная пластика из Бернашевки представлена преимущественно фрагментами, лишь одна статуэтка целая (Бурдо 2012, 24). Фрагменты статуэток чаще всего встречаются вместе с другими находками как среди остатков жилищ, так и в культурном слое вне построек. Такой контекст явно культовых предметов придает ритуальный смысл сопровождающих их находкам.

Возможно, каменные выкладки и скопления камней, в особенности те, которые сопровождаются находками костей животных, также связаны с выделением ритуально значимых мест на поселении.

Ритуальными действиями, по нашему мнению, следует объяснять не только сожжение жилищ, но и наличие следов огня, зафиксированного в виде находок угольков, золистых скоплений, прокаленного грунта.

Ритуал захоронения в ямах остатков сожженных построек, а также использование ям для складирования «священного мусора», зафиксирован раскопками Д.К. Черновола ямы № 1 (Черновол и др. 2010, 464).

Новая интерпретация культурного слоя и объектов Бернашевки

Представляется, что интерпретация изложенных выше данных о культурном слое и объектах Бернашевки возможна только на основании комплексного подхода к археологическому материалу. Традиционно при реконструкции древних поселений доминируют рациональные объяснения находкам, предполагающие примат экономических, хозяйственных, бытовых сфер в архаических обществах. В действительности в архаических и традиционных обществах иррациональное играет не меньшую, а едва ли не большую роль, чем прагматизм, а сакральное тесно переплетено с профанным. Установлено, что в таких обществах ритуализованы буквально все сферы быта, хозяйства, производство, социальные отношения. Следовательно, от ритуальной деятельности жителей поселения должно остаться очень много следов.

Именно вследствие ритуальной деятельности жителей Бернашевки сформировался культурный слой памятника. Этот культурный слой напоминает такие археологические объекты, как зольники, широко распространенные в культурах бронзового, раннего железного века, в античности, у ранних славян. Интерпретация зольников вызывает споры среди исследователей. Б.А. Рыбаков задался вопросом: «что же представляют собой зольники – жилые бугры или священную помойку?», то есть зольники это бытовые памятники или культовые? Анализ обширного археологического материала и сопоставление с этнографическими данными приводит исследователя к выводу, что зольникам присущи и бытовые, и ярко выраженные ритуальные черты (Рыбаков 1981, 305-318). Именно эта двойственность присуща культурному слою Бернашевки.

К.В. Зиньковский более 30 лет тому назад уже выдвинул идею о «двойной сущности трипольских памятников», когда дома на поселении были и местом обитания людей, и местом упокоения их предков. По мнению исследователя, жилища на поселении в определенный момент превращались в культовый памятник в результате ритуального сожжения домов (Зиньковский 1983, 20-21). Эта идея позволила обосновать новую концепцию домо-

строительства трипольской культуры (Бурдо 2012b).

Двойная сущность присуща и поселению в целом. То есть в Бернашевке мы фиксируем остатки построек, погибших в ритуальном пожаре, остатки сгоревших домов, захороненных в ямах, а также и следы длительной многоплановой ритуальной активности, сопровождавшейся жертвоприношениями и огненными ритуалами. Можно также предположить, что жители Бернашевки совершали определенные ритуальные манипуляции с остатками сожженных построек и найденными между ними артефактами, связанные с обрядом жертвоприношения.

В Бернашевке зафиксировано два периода в жизни поселения. Вероятно, перерыв между существованием этих поселений не был длительным. Можно предположить, что цикл ритуального сожжения соответствовал жизни двух – трех поколений (40-60 лет). Подтверждение этому – однообразие керамического комплекса поселений разных горизонтов. Для верхнего строительного горизонта зафиксированы остатки 17 жилищ, а для нижнего на том же участке только 2. Можно предположить, что строители жилищ поселка верхнего строительного горизонта (Бернашевка I/2) перед возведением своих домов расчистили территорию будущего поселения от руин сожженных домов поселка нижнего горизонта (Бернашевка I/1). Вероятно, частично остатки сожженных построек были захоронены в ямах, о чем свидетельствуют находки обожженной обмазки от жилищ в яме № 8, исследованной Д.К. Черноволем (Черновол и др. 2009).

Можно предположить также, что выбор места для строительства нового поселка Бернашевка I/2 на месте сожженного поселения Бернашевка I/1 был обусловлен тем, что жители обоих поселков принадлежали к одному родовому коллективу и предпочитали строить дома на том самом месте, где селились их предки. Такой обычай в какой-то мере схож с традицией, приводившей в неолите и энеолите в Анатолии и на Балканах к образованию многослойных поселений-теллей. Жители теллей многократно возводили новый поселок на руинах глинобитных домов предыдущего поселка, иногда также предварительно

сожженных (например, в теле культуры Гумельница Пиетреле (Hansen et al. 2009).

В отличие от них, трипольцы практиковали обряд оставления поселка, предусматривающий сожжение домов, а при возведении на месте старого поселения новых домов строительные остатки, оставшиеся после сожже-

ния, хоронили в ямах и/или, вероятно, складировали на определенных участках на площади поселения. Жизнь обоих поселков была подчинена сакральным циклам и постоянно сопровождалась ритуалами, многие из которых оставили вещественные свидетельства в культурном слое поселения Бернашевка.

Библиография

- Александреску 1961:** А.Д. Александреску, О второй фазе докукutenской культуры. *Dacia* 5, 1961, 21-38.
- Бибиков 1953:** С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. В: *Материалы и исследования по археологии СССР*, 38 (Москва-Ленинград 1953).
- Бурдо 1989:** Н.Б. Бурдо, Александровская группа раннетрипольских памятников. В: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989), 5-29.
- Бурдо 2001-2002:** Н.Б. Бурдо, Новые данные для абсолютной датировки неолита и раннего энеолита на территории Украины. *Stratum plus* 2, 2001-2002, 431-446.
- Бурдо 2003а:** Н.Б. Бурдо, Методика исследования архитектуры протогородов трипольской культуры. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гіганти (Київ 2003), 14-17.
- Бурдо 2003б:** Н.Б. Бурдо, Сакральный аспект архитектуры трипольских протогородов. В сб.: (Ред. О.Г. Корвін-Піотровський) Трипільські поселення-гіганти (Київ 2003), 18-21.
- Бурдо 2004:** Н.Б. Бурдо, Сакральный світ трипільської цивілізації. В: (Ред. Л.М. Новохатько) Енциклопедія трипільської цивілізації, I (Київ 2004), 344-420.
- Бурдо 2012а:** Н.Б. Бурдо, Антропоморфні статуетки ранньотрипільського поселення Бернашівка. В: (Ред. П.П. Толочко) Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. – Археологія і давня історія України, 8 (Київ 2012), 23-29.
- Бурдо 2012б:** Н.Б. Бурдо, Личностный фактор в проблеме исследования трипольского домостроительства. В: (Ред. П.П. Толочко) Історія археології: Дослідники та наукові центри. Археологія і давня історія України, 9 (Київ 2012), 68-77.
- Бурдо, Видейко 2016:** Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко, «Погребенные дома» и ритуал сожжения поселений Кукутень-Триполья. В сб.: (Ред. С. Церна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры (Кишинев 2016), 175-192.
- Бурдо, Ковалюх 1998:** Н.Б. Бурдо, М.М. Ковалюх, Нові дані про абсолютне датування Трипільля А. В сб.: (Ред. Н. Гаврилюк, Д. Козак) Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 60-61.
- Видейко, Бурдо 2004:** М.Ю. Видейко, Н.Б. Бурдо, Животноводство трипольской культуры в период 5400-2700 гг. до н.э. In: (Ed. Koško A., Szmít M.) *Nomadizm a pastoralizm w międzyrzeczu Wisły i Dniepru* (Poznań 2004), 66-93.
- Євдокимов, Збенович 1973:** Г.Л. Євдокимов, В.Г. Збенович, Ранньотрипільське поселення поблизу с. Бернашівка на Вінничині, *Археологія* 10, 1973, 61-65.
- Збенович 1980:** В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре: К происхождению трипольской культуры (Киев 1980).
- Збенович 1989:** В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).
- Зиньковский 1983:** К.В. Зиньковский, К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен. В: (Ред. Г.А. Дзиз-Райко) *Материалы по археологии Северного Причерноморья* (Киев 1983), 16-22.
- Зиньковский 2013:** К.В. Зиньковский, Жилища племен трипольской культуры. *Stratum plus* 2, 2013, 27-100.
- Пассек 1961:** Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 84 (Москва 1961).
- Рыбаков 1981:** Б.А. Рыбаков, Язычество древних славян (Москва 1981).
- Слесарев и др. 2014:** Е.С. Слесарев, И.С. Радомский, П.С. Шидловский, Новые исследования Бернашевского поселения. Анализ производственного инвентаря подъемного материала. *Верхнедонской археологический сборник*, 6 (Липецк 2014), 209-217.

- Тимофеев и др. 2004:** В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров, Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии (Санкт-Петербург 2004).
- Черновол 2016:** Д. Черновол, Поселение трипольской культуры Бернашевка I. *Revista Arheologică S.N.* XII/1-2, 2016, 20-36.
- Черновол и др. 2010:** Д.К. Черновол, Є.В. Пічкур, Дьяченко О.В., А.О. Корвін-Піотровський, О.С. Кириленко, Рятівні роботи поблизу с. Бернашівка. В: (Ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2009 р. (Київ-Луцьк 2010), 463-465.
- Шидловский, Слесарев 2015:** П. Шидловский, Є. Слесарев, Крем'яний інвентар з господарської споруди на поселенні Бернашівка. В сб.: (Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров) Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірка наукових праць пам'яті Володимира Круца (Львів 2015), 441-462.
- Bodean 2001:** S. Bodean, Așezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Chișinău 2001).
- Hansen et al. 2009:** S. Hansen, M. Toderas, A. Reingruber, N. Becker, I. Gatsov, M. Kay, P. Nedelcheva, M. Prange, A. Röpke, J. Wunderlic, Pietrelie: Der kupferzeitliche Siedlungshügel "Măgura Gorgana" und sein Umfeld. *Eurasia Antiqua* 15, 2009, 15-66.
- Lazarovici, Lazarovici, Țurcanu 2009:** C.-M. Lazarovici, G.-C. Lazarovici, S. Țurcanu, Cucuteni. *A Great Civilization of the Prehistorik World (Iași 2009)*.
- Marinescu-Bîlcu 1981:** S. Marinescu-Bîlcu, Tirpești. *From Prehistory to History in Eastern Romania. BAR International Seria, 1078 (Oxford 1981)*.
- Rassamakin 2012:** Yu. Rassamakin, Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: (Ed. F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy). *The Tripolye culture gigant-settlements in Ukraine: formation, development and decline (Oxford 2012)*, 19-69.

Interpretarea stratului cultural al așezării tripoliene timpurii Bernașevka I

Cuvinte-cheie: strat cultural, orizont de construcție, stratigrafie, Tripolie, Bernașevka.

Rezumat: Așezarea Bernașevka se află la sud-est de localitatea eponimă, pe malul Nistrului. A fost cercetată de către V.G. Zbenovič în anii 1969-1975 (1000 m², vestigiile a 7 construcții) și de către D.K. Černovol în perioada 2009, 2013-2015 (2000 m², resturile a 9 construcții și 3 gropi). Astfel, suprafața totală excavată constituie 3000 m², fiind studiate vestigiile construcțiilor de diferite tipuri și dimensiuni, gropi, precum și structura stratului cultural. De asemenea, a fost elaborat și planul părții investigate a așezării. Bernașevka este în prezent cea mai timpurie așezare Tripolie A - Precucuteni II la est de râul Nistru.

Analiza tuturor informațiilor disponibile ne oferă o imagine diferită comparativ cu alte așezări ale culturii tripoliene. Există motive să se presupună că particularitatea stratului de cultură, cum ar fi prezența unui număr foarte mare de fragmente de vase, oase de animale, multe figurine, poate fi asociată cu anumite ritualuri care erau efectuate în acest loc. Acestea sunt, probabil, legate de ritualurile de părăsire a așezării. Ritualurile au inclus nu numai arderea caselor, ci și anumite manipulări cu resturile lor după ardere. Probabil, acele ritualuri erau asociate și cu sacrificii. Ofrandelor erau periodice și includeau carne, vase, figurine.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Bernașevka I. Secțiunea lui D.K. Černovol pe harta Google map.

Fig. 2. Bernașevka I. 1 - planul secțiunilor excavate în anii 1972-1973; 2 - profilul dealului pe care este amplasată așezarea (după Zbenovič 1980, 13, fig. 3); 3 - planul secțiunilor excavate în anii 2009, 2013-2015 (după Černovol 2016, 20, 1); planul comun al secțiunilor trasate de V.G. Zbenovič și D.K. Černovol. Legenda: 1 - resturile locuințelor pe planul lui V.G. Zbenovič; 2 - contururile reconstituite ale construcțiilor excavate de D.C. Černovol; 3 - contururile presupuse ale construcțiilor cercetate de V.G. Zbenovič; 4 - gropi; 5 - aglomerații de pietre.

Interpretation of the cultural layer of the early Trypillian site of Bernashevka I

Keywords: cultural layer, building horizon, stratigraphy, Trypillia, Bernashevka.

Abstract: Bernashevka I is located SW of the same name village, on the bank of the Dniester River. It was explored by V. Zbenovich in 1969-1975 (1000 m², remains of 7 houses) and D. Chornovol in 2009 and 2013-15 (2000 m², remains of 9 houses and 3 pits). Thus, the total area explored at Bernashevka I is 3000 m², there were excavated remains of dwellings of different sizes and constructions, pits and cultural layer areas in few horizons. Also, we have plan of explored part of this site. Bernashevka I now is the earliest Trypillia A – Precucuteni II site known east of the Dniester.

Analysis of the whole available data shows the picture different from other Trypillian sites. It is possible to suppose that fragments of animal bones, many clay figurines and other finds are connected with some rituals performed at this place. These rituals probably were connected with the ritual of abandonment of the village and burning the dwellings. Perhaps, this was associated with the performance of sacrifices.

List of illustrations:

Fig. 1. Bernashevka-I. Trench (excavation by D. Chornovol) on Google Earth.

Fig. 2. Bernashevka-I. 1 - Trenches of 1972-1973; 2 - profile of the site (1, 2 - after Збеневич 1980); 3 - trenches of 2009, 2013-2015 (after Черновол 2016); 4 - Combined plan of Bernashevka-I based on plans presented by V. Zbenovich and D. Chernovol.

02.02.2017

Др. Наталья Бурдо, Институт археологи, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com